

Л-2008-2 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. – Т. 2: М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

Л-Ш-2007 – Ляшчынская, В. А. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007 – 312 с.

М-К-1972 – Мяцельская, Е. С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск : БДУ, 1972. – 320 с.

Ю-1972 – Юрчанка, Г. Ф. І коціцца і валіцца (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 288 с.

Ю-1974 – Юрчанка, Г. Ф. І сячэ і паліць (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 296 с.

In the article on the base of phraseologisms of the Belarusian language with the component «cereal» as the most frequently used component among selected lexemes-names of ready meals and the basis of the most quantitative group of phraseologisms formed with the help of it, the reasons and motives of the selection of this lexeme in the formation of the images of the stable units of the Belarusian language are established which gained the role of standarts, symbols, stereotyped ideas about the most important aspects of life of Belarusians. During the analysis of the selected phraseologisms cultural information, that distinctive representation of the result of cognition of the new different and the most important abstract concepts through the known, specific, the ways and means of the expression of evaluation, rules and norms worked out by people, and their fixation in the language is revealed.

Keywords: phraseologism, component, cereal, image, cognition, cultural information, standart, symbol, stereotype.

УДК 811.162'42'373:398.92

И. А. Меркулова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАШУБСКОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена анализу фразеологии кашубского языка с помощью методов количественной лингвистики. Объектом исследования выступает «Кашубско-русский фразеологический словарь» В. И. Ермолы. Целью исследования является определение системного синтагматического веса каждой из лексем словаря, выявление фразеологически нагруженных лексем как маркеров наиболее значимых объектов.

Ключевые слова: лексема, фразеологизм, синтагматическая активность, кашубский язык.

Малочисленный славянский народ, который называют «кашубы», их национальный язык и культура попали в исследовательское поле зрения лингвистов, литературоведов, этнографов, историков только в середине XIX века. Большой вклад в изучение кашубской проблематики внесли отечественные ученые, и прежде всего П. И. Прейс [1], А. Ф. Гильфердинг [2], И. А. Бодуэн де Куртенэ [3].

Представители этой народности издавна населяли южный берег Балтийского моря, где соприкасаются две крупнейшие языковые и культурные стихии Европы – мир славянских и мир германских народов, что во многом определило уникальность и специфику кашубской национальной культуры.

Польская славистика традиционно определяет кашубский язык как один из территориальных диалектов польского языка, а сам народ считается «этнографической группой» польского народа. В русской и немецкой славистике уже с конца XVIII в. преобладает другой взгляд: кашубский расценивается как самостоятельный западнославянский язык, развивающийся в историческом взаимодействии с польским языком. Сего-

дня кашубский язык официально признан и кодифицирован, хотя процесс формирования его литературной формы продолжается [4].

Лексика кашубского языка уже становилась предметом нашего интереса. Так, в статье «Параметры кашубской лексики: квантитативный аспект» были выявлены функциональные, синтагматические, эпидигматические и парадигматические доминанты словаря Стефана Рамулта «Słownik języka pomorskiego czyli kaszubski» [5]. Что касается словарей, то их количество исчисляется единицами. Двухязычного же кашубско-русского словаря нет вообще, хотя имеется небольшой кашубско-русский фразеологический словарь [6]. В него включено около 3 000 фразеологизмов, выбранных из семитомного словаря Б. Сыхты. Этот словарь и стал объектом настоящего исследования.

При отборе материала ученый руководствовался принципами, вытекающими из традиционного понимания фразеологизма, принятого большинством фразеологов: фразеологическая единица – это относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением [7, с. 4].

Словарь В. И. Ермолы организован по гнездовому принципу. Такой подход дает возможность проследить, как различные явления получают языковое обозначение с помощью фразеологических единиц, а затем расчленить фразеологический фонд языка на смысловые группы (семантические поля).

Целью исследования является определение системного синтагматического веса каждой из лексем словаря и качественная характеристика полученных данных.

В таблице 1 представлено распределение кашубской лексики по количеству фразеологизмов. В первом столбце отражается количество фразеологизмов у одного слова, во втором – количество слов, имеющих такое число фразеосочетаний, третий столбец указывает на общее количество анализируемых слов в порядке накопления. В столбце С-Вес указывается относительная величина синтагматического веса слова, которая вычисляется по формуле, предложенной В. Т. Титовым [8]:

$$Pr_i = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r},$$

где Pr_i – вес i -того ранга; $\sum r$ – сумма единиц всех рангов; R_{1-i} – сумма единиц от первого до данного ранга.

Статистика показывает, что 742 лексемы включены в синтагматические связи. В это число не вошли служебные элементы (междометия, частицы), которые фиксируются словарем, но остаются за пределами нашего внимания как единицы, не имеющие самостоятельного лексического значения.

Таблица 1 – Распределение кашубской лексики по количеству фразеологизмов

ФС	Слов	Накопл.	С-вес
1	2	3	4
42	1	1	0,9986
39	1	2	0,9973
38	1	3	0,9959
27	1	4	0,9945
25	1	5	0,9931
22	1	6	0,9919
20	3	9	0,9892
19	1	10	0,9879
18	1	11	0,9865
16	2	13	0,9838

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
15	4	17	0,9784
14	1	18	0,9771
13	5	23	0,9703
12	2	25	0,9676
11	3	28	0,9636
10	3	31	0,9595
9	9	40	0,9474
8	10	50	0,9339
7	14	64	0,9150
6	22	86	0,8853
5	31	117	0,8435
4	45	162	0,7827
3	75	237	0,6815
2	126	363	0,5015
1	379	742	0,0000

Наибольшее количество фразеологизмов (42) имеет существительное *glóva* – голова: *běc očkq v glóv'e* (быть глазком в голове) – ‘быть всем для кого-л.’; *běc svoje glóvě* (быть со своей головой) – ‘жить своим умом’; *čqžko v glóvq jize komus* (кому-л. тяжело идет в голову) – ‘кто-л. с трудом шевелит мозгами’; *cos komus do glóvě střelilo* (что-л. кому-л. стрельнуло в голову) – ‘что-л. пришло в голову кому-л.’; *cvarda glóva* (твердая голова) – ‘голова садовая’; *čosac komus klině na glóv'e* (тесать кому-л. клинья на голове) – ‘не давать житья кому-л.’; *dac glóvq za cos* (дать голову за что-л.) – ‘дать голову на отсечение за что-л.’; *glóva jak děžka* (голова как бочка) – ‘о большой голове’; *glóva jak don'ica* (голова как горшок) – то же; *glóva jak kubel* (голова как ведро) – то же; *glóva jak sova* (голова как сова) – ‘о растрепанной женской голове’; *glóvq krqčěc* (головой крутить) – ‘качать головой от удивления’; *glóvq mqčěc komus* (голову мутить кому-л.) – ‘голову забивать кому-л.’; *glóvq murě přeb'ijac* (головой стены пробивать) – ‘приложить все усилия для достижения своей цели’; *glóvě skladač* (головы складывать) – ‘перемыкать косточки’; *xajn'qti v glóvq* (стукнутый по голове) – ‘пыльным мешком пристукнутый’; *jic po rozěm do glóvě* (идти за разумом в голову) – ‘ломать голову’; *klasc lopatq do glóvě* (класть лопатой в голову) – ‘разжевать и в рот положить’; *lamac sob'e glóvq* (ломать голову); *mocni v rqkax, ale slab'i v glóv'e* (силен руками, но слаб головой) – ‘о человеке, который не грешит умом, но силен физически’; *m'ec cemno v glóv'e* (у кого-л. темно в голове) – ‘о темном, неграмотном человеке’; *m'ec ceplq v glóv'e* (у кого-л. тепло в голове) – ‘кто-л. хватил лишнего’; *m'ec dobře v glóv'e* (у кого-л. хорошо в голове) – ‘у кого-л. котелок варит’; *m'ec mak v glóv'e* (у кого-л. мак в голове) – ‘у кого-л. не все дома’; *m'ec mlin v glóv'e* (у кого-л. мельница в голове) – ‘у кого-л. кружится голова’; *m'ec m'itkq glóvq* (у кого-л. мягкая голова) – ‘у кого-л. есть голова на плечах’; *m'ec něk'i v glóv'e* (у кого-л. капризы в голове) – ‘о капризном человеке’; *m'ec n'edobře v glóv'e* (у кого-л. нехорошо в голове) – ‘у кого-л. голова не в порядке’; *m'ec pstro v glóv'e* (у кого-л. пестро в голове) – ‘у кого-л. ветер в голове гуляет’; *m'ec ptāška v glóv'e* (у кого-л. птичка в голове) – ‘у кого-л. голова не в порядке’; *m'ec sano v glóv'e* (у кого-л. сено в голове) – ‘у кого-л. пустая голова’; *m'ec v glóv'e* (иметь в голове) – ‘замышлять нечто’; *m'ec zelono glóv'e* (у кого-л. зелено в голове) – ‘молодо-зелено’; *n'ex ce glóva o to n'e boli* (пусть твоя голова не болит из-за этого) – ‘не твоего ума дело’; *n'i m'ec daku nad glóvq* (быть без крыши над головой); *ořexi na glóv'e komus lqbrac* (орехи у кого-л. на голове колоть) – ‘житья не давать кому-л., жилы тянуть из кого-л.’; *stanqč na glóv'e* (встать на голову) – ‘приложить все усилия для достижения своей цели’; *stracěc glóvq* (потерять голову) – 1. ‘забыть, запомнить’; 2. ‘быть в растерянности’; *v glóv'e sq krěpě m'ešajq*

(в голове крупы перемешиваются) – ‘ум за разум заходит’; *v głov'e sã n'e m'esci* (в голове не помещается что-л.) – ‘в голове не укладывается что-л.’; *za małõ głovã m'ec* (у кого-л. слишком маленькая голова) – ‘пороху не выдумает кто-л.’; *zazerac głovõ* (задирать голову) – ‘задирать нос’.

Голова в современном представлении – центр переработки информации. В понимании древнего человека все, что связано с головой, соотносилось с небом и его главными объектами – солнцем, луной, звездами. Мифологема головы – «солнца» – легла в основу таких фразеологических единиц, как *głowa idet krugom*, *głowa gorit*, *głowa zakrúžilась* (*jic po rozëm do głovë* (идти за разумом в голову) – ‘ломать голову’, *m'ec mlin v głov'e* (у кого-л. мельница в голове) – ‘у кого-л. кружится голова’, *m'ec pstro v głov'e* (у кого-л. пёстро в голове) – ‘у кого-л. ветер в голове гуляет’ и др.).

Голова в кашубской лексике является символом самостоятельности, что подтверждается следующими фразеологизмами: *bëc swoje głovë* (быть со своей головой) – ‘жить своим умом’. Наряду с сердцем считается основной частью тела, местом расположения жизненной силы, души и ее силы; означает мудрость, ум, управление и контроль: *m'ec m'itkõ głovã* – ‘у кого-л. есть голова на плечах’. В голове есть место как для разума, так и для глупости: *cażkõ v głovã jize komus* (кому-л. тяжело идет в голову) – ‘кто-л. с трудом шевелит мозгами’; *cvarda głova* (твердая голова) – ‘голова садовая’.

При определении фразеологически активных лексем кашубского языка можно ориентироваться на синтагматический вес 0,95 и выше, т. е. учесть слова, имеющие 9 и более фразеосочетаний. Все они распределяются по следующим семантическим группам (количество фразеологизмов указывается в скобках):

1. Части тела и органы человеческого тела: *noga* (38) – нога, *očë* (27) – очи, *řëc* (25) – задница, *jãzëk* (22) – язык, *rãka* (20) – рука, *nos* (16) – нос, *gãba* (15) – рот, лицо, губы, *palec* (15) – палец, *břëx* (10) – брюхо, живот. В этом отношении кашубский язык не является уникальным, так как соматизмы относятся к ключевым понятиям фразеосферы славян [9, с. 177].

2. Зоонимы. В кашубской фразеологии это названия животных и птиц: *p'es* (39) – пес, *kot* (19) – кот, *gapa* (13) – ворона, *gãs* (11) – гусыня, гусь, *krova* (9) – корова, *mixa* (13) – муха, *kõn'* (9) – конь, *mëš* (9) – мышь.

При использовании названий животных во фразеологизмах кашубский народ чаще был склонен отмечать отрицательные черты, чем положительные.

Gapa (ворона) – *dřëc sã jak gapa* (верещать, как ворона) – ‘трещать как сорока’, *gapa komus narob'ila u k'ëšin'* (ворона кому-л. наделала в карман) – ‘у кого-л. подмоченная репутация’, *kãrm'õni gapami* (кормленный воронами) – ‘о легкомысленном, ветреном человеке’, *m'ec gapã* (иметь ворону) – ‘быть не в своём уме’, *m'ec gap'i rozëm* (обладать вороньим умом) – ‘умом не грешить’, *tëlë co gapa na ogõn'e un'ese* (столько, сколько ворона на хвосте унесёт) – ‘кот наплакал’, *vësv'ãcic gapã* (освятить ворону) – ‘вывести женщину легкого поведения за деревню под стук в сковороды’.

Kot (кот) – *fašëvi jak kot* (фальшивый, как кот), *jic jak kot po sm'õtan'e* (идти как кот по сметане) – ‘красться как кот’, *kup'ic kota v m'exu* (купить kota в мешке), *m'ec kota v głov'e* (у кого-л. кот в голове) – ‘у кого-л. не все дома’, *nagnac komus kota* (пригнать кому-л. kota) – ‘свести с кем-л. счеты’, *žëc jak n'edob'iti kot* (жить как недобитый кот) – ‘еле сводить концы с концами’.

P'es (пес) – *an'i p'es po komus n'e zašëkã* (даже пёс о ком-л. не залает) – ‘о ком-л. не останется и памяти’, *dbac o cos jak p'es o p'õtõ nogã* (заботиться о чем-л., как пес о пятой ноге) – ‘вовсе не заботиться о чем-л.’, *dogõzëc komus, jakbe psu bõtë ušil* (угодить кому-л., как псу башмаками) – ‘оказать кому-л. медвежью услугу’, *kõpnõ kogõs jak psa* (пнуть кого-л., как пса) – ‘вышвырнуть кого-л. как собаку’, *lgac jak p'es* (лгать, как пёс) – ‘лгать без зазрения совести’, *zli jak p'es* (злой как собака).

3. Сверхъестественное. Сюда относятся слова с религиозно-мистической семантикой. *djâbel* – дьявол, *boži* – Божий. Носители кашубского языка с вниманием относятся к религии. Этим объясняется наличие в кашубском языке большого количества фразеологизмов, ключевыми словами в которых являются *Бог* и *дьявол*, причем прилагательное *boži* – Божий (15 фразеологизмов) фразеологически более активно, чем существительного *Bóg* – бог (7 фразеологизмов).

Фразеологизмы, посредством которых люди обращаются к «нечистой силе», служат, так же, как и единицы со словом *Бог*, для выражения различных чувств, эмоций, волевых побуждений: *čarn'i jak djâbel* (черный, как дьявол) – ‘черный как сажа’, *djabla bë zežar ktos* (дьявола бы сожрал кто-л.) – ‘кто-л. голоден как волк’, *djâbel kogos n'ese* (дьявол несёт кого-л.) – ‘чёрт несёт кого-л.’, *jic vedle kogos jak djâbel vedle kříza* (идти рядом с кем-то, как дьявол рядом с крестом) – ‘бояться кого-л. как чёрт ладана’.

4. Колоративы. Среди обозначений цветов в кашубской фразеологии активно задействованы *čarn'i* – черный и *b'âli* – белый.

Черный, как правило, плохой, дьявольский, злой. *Белый* не имеет ярко выраженной положительной коннотации, а во фразеологизме *ožen'ic sq z b'âlo* (жениться на белой) – ‘умереть, лечь в гроб’ полностью теряет положительную окраску.

5. Артефакты. В эту группу входит все, сделанное руками человека. Из артефактов фразеологически активны, по данным словаря, лишь лексемы *m'ex* – мешок, мехи, (16 фразеосочетаний) и *bót* – башмак, ботинок (15 фразеологизмов).

6. Первостихии. Они представлены водой и огнем, имеющими 12 и 10 фразеологизмов, соответственно.

7. Небольшую подгруппу представляют компоненты, номинирующие человека по какому-либо признаку, чаще социальному положению, национальности, половозрастным характеристикам: *xlop* – мужик, мужчина (10 фразеологизмов), *Žid* – еврей (9 фразеологизмов). При этом обозначение мужчины более значимо, чем обозначение женщины. Лексема *baba* – баба, женщина – имеет при себе лишь 6 фразеологизмов.

Обращает на себя внимание частеречная характеристика лексем словаря. По нашим данным, подавляющее большинство являются существительными – 91, 5%. Прилагательные и глаголы представлены приблизительно одинаково – 3,5–3,6%.

Следует отметить, что фразеологичность имен и фразеологичность глаголов различны по своей природе. Глаголам свойственно превращаться в связку, и тогда богатство лексической сочетаемости глагола превращается в меру его грамматикализованности. Фразеологичность имен лексична по своей природе. В этой связи представлялось бы целесообразным фразеологичность имен рассматривать как ядро, центр лексической фразеологии.

По мнению некоторых исследователей, частотность употребления лексемы в составе устойчивого сочетания, фразеологизма или пословицы может служить показателем значимости понятия, называемого той или иной лексемой. В. М. Алпатов, в частности, пишет: «Что касается пословиц, то представляется, что их количество и частотность, связанные с теми или иными номинативными единицами, в большей степени отражают языковые картины мира, чем заключенная в них мораль, скорее относящаяся к мировоззрению в широком смысле (которое может и не разделяться частью носителей языка), чем к мировидению» [10, с. 19]. Это утверждение вполне можно распространить и на фразеологию. О. Н. Чарыкова полагает, что «частотность употребления лексемы в составе фразеологизма свидетельствует о релевантности номинируемого ею объекта для национального сознания» [11, с. 87]. В этом отношении фразеология кашубского языка, представленная в словаре В. М. Ермолы, свидетельствует об особом внимании носителей кашубского языка к человеку, его здоровью и жизни, предметам, сделанным его руками, и натурфактам, а лидерами фразеологической активности выступают соматизмы.

Список использованных источников

1. Прейс, П. И. О кашубском языке: Донесение П. Прейса г. Министру Народного Просвещения из Берлина от 20 июня 1840 года. – Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. XXVIII. – СПб., 1840. – отд. IV, С. 1–24.
2. Гильфердинг, А. Ф. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря / А. Ф. Гильфердинг. – СПб., 1862. – 192 с.
3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Кашубский язык, народ и вопрос / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1879. – № 311 (апрель-май).
4. Ахтерберг, Й. К вопросу о витальности кашубского языка: экспериментальное исследование в Глоднице / Й. Ахтерберг, М. Порембска // Славяноведение. – № 6. – 2005. – С. 38–48.
5. Меркулова, И. А. Параметры кашубской лексики: количественный аспект / И. А. Меркулова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11–2 (41). – С. 117–120.
6. Ермола, В. И. Кашубско-русский фразеологический словарь / В. И. Ермола. – СПб. : Польский ин-т, 2011. – 147 с.
7. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1980. – 208 с.
8. Титов, В. Т. Частная количественная лексикология романских языков / В. Т. Титов. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – 551 с.
9. Меркулова, И. А. Что такое лексическая нуклеология? / И. А. Меркулова // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 4. – С. 175–178.
10. Алпатов, В. М. Что такое картины мира и как до них добраться? / В. М. Алпатов // Язык. Константы. Переменные : памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб. : Алетей, 2014. – С. 11–21.
11. Чарыкова, О. Н. Лингвистические средства репрезентации национальной аксиологической картины мира / О. Н. Чарыкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 86–88.

The article is devoted to the analysis of the phraseology of the Kashubian language by the methods of quantitative linguistics. The object of the research is the “Kashubian-Russian phraseological dictionary” by V. I. Ermoly. The aim of the research is to determine the systemic syntagmatic weight of each of the lexemes of the dictionary. The author identifies phraseologically loaded lexemes as markers of the most significant objects.

Keywords: lexeme, phraseologism, syntagmatic activity, Kashubian language.

УДК 811.161.1'42'371:392.71:398.9:821.161.1-191*И.А.Крылов

В. М. Мокиенко

ДРУЖБА И ПСЕВДОДРУЖБА В БАСНЯХ И. А. КРЫЛОВА

В статье анализируются крылатые выражения из басен И. А. Крылова. Обобщается опыт их лексикографического описания в словаре (составители В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко). Специальное внимание уделено концепту «Дружба» в литературном наследии русского баснописца. Демонстрируется амбивалентность и диалектичность аксиологической характеристики этого концепта.

Ключевые слова: крылатые слова, фразеологизмы, пословицы, И. А. Крылов, басни, концепт «Дружба».

Раздумывая о сюжете очередного доклада на ежегодном фразеологическом вече в гостеприимном Гомеле, я перебрал в памяти немало достойных этого славистического форума тем. И, после глубоких раздумий, остановился на концепте «Дружба». Ведь именно сейчас, когда весь мир скован цепями враждебного человечеству ковида-19,